

Неверовский Александр Андреевич

**Истребление Аварских ханов в
1834 году**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Андреевич Н.**
Истребление Аварских ханов в 1834 году / Неверовский Александр Андреевич – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 39 с.

ISBN 978-5-519-98746-2

ISBN 978-5-519-98746-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Нуръ-Махомета. Въ Хунзахѣ вдова бывшаго Аварскаго Хана Али-Султанъ-Ахмета, Ханьша Паху-Бике, въ вознагражденіе заслугъ и преданности къ ихъ семейству Алискендеръ-Бека, помѣстила сына его въ своемъ ханскомъ домѣ, обходилась съ нимъ какъ съ ближайшимъ родственникомъ и постоянно была къ нему весьма ласкова.

По окончаніи своего ученія, Гамзатъ-Бекъ возвратился въ сел. Новый-Гоцатль, гдѣ и женился. Онъ былъ и отъ природы весьма уменъ, а ученіе еще болѣе развило его способности. Главныя черты его характера составляли: чрезвычайная настойчивость къ достиженію цѣли, рѣшительность и веселость.

Перейдя отъ умственныхъ занятій къ семейной жизни, Гамзатъ-Бекъ началъ искать развлеченій и находилъ ихъ въ частыхъ пирушкахъ, во время коихъ употребляя чрезмѣрно горячіе напитки, прослылъ наконецъ человѣкомъ нетрезваго поведенія. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ думалъ собственно объ увеселеніяхъ, и хотя дядя и вмѣстѣ тестъ его, Иманъ-Али, старался отвратить его отъ подобной жизни, но всѣ увѣщанія и просьбы оставались тщетными, до 1829 года, когда обратилъ на себя вниманіе горцевъ Кази-Мулла. Бесѣдуя однажды съ Гамзатъ-Бекѣмъ о дѣйствіяхъ перваго возмутителя, Иманъ-Али ему сказалъ: «Ты приходишь отъ Бековъ, твой отецъ былъ храбрый человѣкъ и дѣлалъ много добра Аварцамъ, а ты не только не хочешь послѣдовать его примѣру, но предался еще разврату. Взгляни на дѣла Кази-Муллы, простаго горца, и вспомни, что ты знатнѣе его родомъ и не менѣе его «учился.»

Слова эти произвели магическое дѣйствіе на Гамзата. Онъ молча всталъ, вышелъ изъ дома, оседлалъ любимаго коня своего и уѣхалъ въ селеніе Гимры. Кази-Мулла принялъ его со всѣми восточными привѣтствіями и предложилъ дѣйствовать совокупно въ распространеніи новаго ученія. Гамзатъ-Бекъ охотно согласился на предложеніе и сдѣлался самымъ ревностнымъ помощникомъ перваго Имама. Они вмѣстѣ склонили на свою сторону Койсубу, Гумбетъ и Андю, и вмѣстѣ напали на Хунзахъ.

Претерпѣвъ пораженіе подъ Хунзахомъ, Гамзатъ-Бекъ возвратился въ Новый-Гоцатъ, гдѣ и распустилъ находившихся при немъ мюридовъ. Однако онъ не долго оставался въ бездѣйствіи. Вскорѣ прибыло къ нему нѣсколько выходцевъ изъ Джаро-Бѣлоканской области, скрывавшихся въ селеніи Корода, анданальскаго общества. Объявивъ о присоединеніи джарскихъ Лезгинъ къ исправительной сектѣ и намѣренія ихъ возстать противъ Русскихъ, они просили его прійти къ нимъ съ своими приверженцами, обѣщая безпрекословно повиноваться его приказаніямъ. Не рѣшась исполнить ихъ просьбу безъ совѣта Кази-Муллы, Гамзатъ-Бекъ отправился къ нему въ селеніе Гимры, съ предложеніемъ принять начальство надъ новыми сообщниками. Но Кази-Мулла, въ слѣдствіе ли претерпѣннаго имъ пораженія подъ Хунзахомъ, или не надѣясь на удачу, отказался отъ предложенія Гамзата и предоставилъ ему быть ихъ предводителемъ.

Возвратясь изъ Гимръ, Гамзатъ-Бекъ написалъ воззваніе къ Андалальцамъ, Хидатлинцамъ, Карахцамъ и Тлесерухцамъ. Какъ на призывъ муллы стекаются

правоверные въ мечеть для молитвы, такъ жители этихъ обществъ собирались толпами въ селеніе Новый-Гоцатъ, жажда добычи и крови. Гамзатъ-Бекъ въ первый разъ увидѣлъ себя повелителемъ такого огромнаго скопища. По прибытіи къ джарскимъ Лезгинамъ, онъ взялъ съ нихъ, въ залогъ вѣрности, аманатовъ, которыхъ и отправилъ въ андалальское общество, подъ присмотръ преданныхъ ему людей.

Въ первыхъ сшибкахъ съ русскими отрядами, счастье благопріятствовало Гамзатъ-Беку и онъ безпрестанно тревожилъ ихъ нападеніями. Наконецъ джарскіе Лезгины были разбиты, покорены и лишлись на всегда своей политической независимости и гражданскаго устройства, а земли ихъ образовали Джаро-Бѣлоканскій округъ. Послѣ этой развязки, Гамзатъ-Беку ничего нельзя было предпринимать, тѣмъ болѣе, что въ горахъ настала уже суровая зима. Глубокій снѣгъ не только затруднялъ дальнѣйшія дѣйствія, но дѣлалъ даже невозможнымъ возвращеніе въ Дагестанъ его скопищъ, которымъ надлежало переходить главный кавказскій хребетъ. Въ этихъ обстоятельствахъ, онъ вздумалъ лично вступить въ переговоры съ начальникомъ бывшаго тогда отряда въ Джаро-Бѣлоканскомъ округѣ, Генералъ-Лейтенантомъ Стрекаловымъ, обѣщая распустить мюридовъ, если наше Правительство назначить ему пожизненный пенсіонъ. Возмутительныя дѣйствія Гамзата заслуживали строгаго наказанія, предложенное же имъ условіе могло только удивить; а потому Генералъ-Лейтенантъ Стрекаловъ ограничился собственно его заарестованіемъ и отправленіемъ въ Тифлисъ. Тамъ онъ былъ взятъ подъ присмотръ, какъ дерзкій бунтовщикъ.

Главнокомандующій замѣтилъ ему, что прежде надобно оказать услуги Правительству, а потомъ просить содержанія.

Оставшіеся въ Джаро-Бѣлоканскихъ горахъ мюриды, лишась своего предводителя, не осмѣливались болѣе нападать на Русскихъ и вскорѣ разошлись по домамъ.

Арестъ Гамзатъ-Бека въ Тифлисѣ не долго продолжался. Въ слѣдствіе просьбы Генералъ-Маіора Асланъ-Хана Казикумыкского, онъ былъ отпушенъ на родину, а въ залогъ вѣрности Асланъ-Ханъ представилъ племянника его Кѣйхосрова.

Благодарный своему избавителю, Гамзатъ-Бекъ отправился къ нему въ селеніе Кумухъ, гдѣ бесѣдуя о разныхъ предметахъ, склонилъ однажды разговоръ на Аварію. Разговоръ этотъ, какъ мы увидимъ, имѣлъ огромныя послѣдствія.

Асланъ-Ханъ, вскорѣ послѣ смерти Аварскаго Хана Султанъ-Ахмета, просилъ руки дочери его, Султанеты, для сына своего, Магометъ-Мирзы-Хана, и получилъ на это согласіе отъ матери ея, Ханъши Паху-Бике. Вслѣдъ за тѣмъ изъявилъ свое желаніе на вступленіе въ бракъ съ Султанетою и нынѣшній Шахмалъ Тарковский, Абу-Муселимъ-Ханъ. Сравнивая двухъ жениховъ, Ханъша рѣшилась измѣнить данному уже обѣщанію Асланъ-Хану и отдала преимущество Шамхалу, какъ болѣе богатому и близкому сосѣду, могшему въ случаѣ надобности оказать и помощь.

Не имѣя въ то время средствъ отмстить за сдѣланную ему обиду, Асланъ-Ханъ перенесъ ее, но не могъ забыть, и желаніе мести въ немъ не угасало. Коснувшись же разговора съ Гамзатъ-Бекѣмъ объ

Аваріи, онъ видѣлъ въ этомъ предприимчивомъ чловѣкѣ своего мстителя. А потому, поведя искусно рассказъ о богатствѣ аварскихъ хановъ и украсивъ восточными цвѣтами обладаніе властію ханскою, Асланъ-Ханъ сказалъ ему: «Знаешь ли отъ чего разрушились всѣ планы твои и Кази-Муллы при штурмѣ Хунзаха, и отъ чего всѣ твои дальнѣйшія дѣйствія на Аварію будутъ разсыпаться какъ извѣстковый камень, падшій съ вершины утеса? Тебя чернятъ передъ народомъ Ханьша Паху-Бике; слова ея тоже, что Коранъ для правовѣрныхъ, и пока будетъ жизнь въ этомъ для тебя змѣиномъ жалѣ, ты много употребишь трудовъ и времени, чтобы осуществить первое предположеніе Кази-Муллы и воздвигнуть новое зданіе.»

Гамзатъ-Бекъ всталъ, вынулъ пашку изъ ноженъ и произнесъ слѣдующія слова: «Видишь Ханъ эту «пашку! у нее двойное остріе. Иду впередъ» вскричалъ онъ, взмахнувъ пашкою къ сторонѣ, гдѣ лежитъ Хунзахъ, — «и ею же защищаюсь сзади.» Слова эти имѣли смыслъ, то есть: идя на Хунзахъ изъ Новаго-Гоцатля, лежащаго ближе къ нашимъ укрѣпленіямъ, онъ въ тоже время будетъ защищать и свой тылъ.

Хотя коварныя внушенія Асланъ-Хана глубоко запали въ душу Гамзатъ-Бека, и еще болѣе развили его честолюбивые замыслы, однако при прощаніи онъ объявилъ, что рѣшился прежде всего, во что бы ни стало, уничтожить крѣпость Новыя-Закаталы, которая весьма много мѣшаетъ набѣгамъ на Кахетію и вообще на Грузію. Это неожиданное намѣреніе Гамзатъ-Бека было весьма противно желанію Асланъ-Хана, проникнутаго мщеніемъ къ Ханьшѣ Паху-Бике;

а потому онъ старался направить мысли его собственно на овладѣніе Хунзахомъ. Но когда всѣ увѣщанія остались тщетными, то Асланъ-Ханъ предоставилъ ему дѣйствовать по своему усмотрѣнію, прося не вмѣшивать его въ войну съ Русскими и обѣщая всевозможное пособіе, только въ томъ случаѣ, когда онъ устремитъ всѣ свои силы для завладѣнія аварскимъ-ханствомъ.

Между тѣмъ, во время отсутствія Гамзатъ-Бека изъ Дагестана, молва о нѣкоторыхъ удачныхъ его дѣйствіяхъ въ Джаро-Бѣлоканской области, еще болѣе возрасла отъ преувеличенныхъ рассказовъ бывшихъ съ нимъ Лезгинъ. Ему стоило только пожелать — и въ сообщникахъ не было бы недостатка: а отъ того, когда по возвращеніи въ Новый-Гоцатль, онъ объявилъ о намѣреніи своемъ уничтожить крѣпость Новые-Закаталы, то по первому его призыву, къ нему опять собрались огромныя толпы мятежныхъ горцевъ. Увидѣвъ себя повелителемъ гораздо большаго скопища, чѣмъ въ первый разъ, честолюбивый Гамзатъ-Бекъ снова направился въ Джаро-Бѣлоканскую область. На пути присоединился къ нему отважный дагестанскій разбойникъ Шихъ-Шабанъ, съ значительною партіею удалыхъ товарищей его набѣговъ и грабежей.

Для нанесенія рѣшительнаго удара крѣпости Новымъ-Закаталамъ, Гамзатъ-Бекъ тихо подвигался впередъ, усиливаясь прибывающими партіями. Наконецъ перевалившись, въ первой половинѣ 1831 года, съ огромнымъ полчищемъ своимъ, черезъ главный кавказскій хребетъ, онъ былъ встрѣченъ съ восторгомъ джарскими Лезгинами, спѣшившими къ нему присо-

единиться. Однако Гамзатъ-Бекъ не воспользовался своимъ положеніемъ, но любуясь собранными имъ силами и выжидая прибытія новыхъ партій, откладывалъ со дня на день нападеніе на крѣпость; а между тѣмъ отъ чрезвычайныхъ жаровъ, горячки и лихорадки начали развиваться въ его скопищѣ. Прибывающіе замѣщали только убылыхъ, не увеличивая числа сообщниковъ. Это обстоятельство еще болѣе заставило его медлить, потому что, не довѣряясь слишкомъ храбрости горцевъ, онъ рассчитывалъ преимущественно на ихъ многочисленность. Медленность же и нерѣшительность Гамзата, дали возможность русскимъ отрядамъ прійти во время къ угрожаемому пункту. Слухъ объ ихъ приближеніи остановилъ его дѣйствія еще на нѣсколько дней, до полученія вѣрныхъ свѣдѣній о нашихъ войскахъ; а въ нѣсколько дней болѣзни, свирѣпствовавшія все сильнѣе, видимо уменьшили численность его скопища, такъ что вскорѣ большая половина джарскихъ Лезгинъ, принуждена была оставить ряды, для ухода за больными. Удаленіе Джарцевъ оказало весьма неблагоприятное вліяніе на пришедшихъ къ нимъ мюридовъ, и Гамзатъ-Бекъ, видя упадокъ нравственныхъ силъ въ его сообщникахъ и безпрестанно возрастающую смертность, рѣшился предпринять обратное движеніе въ горы. Когда находившіеся при немъ Джарцы узнали объ этомъ, то опасаясь наказанія Русскихъ, старались всѣми силами его удержать; но не обративъ вниманія на ихъ просьбы, онъ ушелъ въ Новый-Гоцатль, гдѣ и распустилъ свое сборище.

Неудача противъ крѣпости Новыхъ-Закаталъ, уменьшила народную молву о подвигахъ Гамзатъ-Бека и

заставила его навсегда отказаться отъ повторенія подобнаго предпріятія. Предавшись тогда мысли, посѣянной въ немъ местию Асланъ-Хана, и волнуемый предположеніями о покореніи Хунзаха, онъ отправился въ концѣ 1831 года къ Кази-Муллѣ, занимавшему въ то время укрѣпленный лагерь на урочищѣ Чумкескентѣ. Кази-Мулла принялъ его, по прежнему, чрезвычайно ласково, выслушалъ разсказъ о бесѣдѣ съ Асланъ-Ханомъ и одобривъ планъ дѣйствій для овладѣнія Хунзахомъ, совѣтовалъ остаться нѣкоторое время при немъ, дабы дать дружный и рѣшительный отпоръ Русскимъ, намѣревавшимся ихъ атаковать; на что Гамзатъ-Бекъ и не замедлилъ согласиться. Уже нѣсколько дней онъ находился въ Чумкескентѣ, какъ однажды утромъ Кази-Мулла объявилъ, что видѣлъ чудный сонъ, который хочетъ непременно узнать по имѣющейся у него книгѣ въ Гимрахъ; а потому, отправляясь туда, поручилъ ему начальство надъ собранными мюридами.

Во время отсутствія Кази-Муллы, Чумкескентъ былъ атакованъ отрядомъ Полковника Миклашевскаго. Послѣ штурма этого урочища, Гамзатъ-Бекъ, едва успѣвшій спастись бѣгствомъ, ушелъ въ Новый-Гопцатъ, гдѣ и оставался въ бездѣйствіи до сентября мѣсяца 1832 года, когда Кази-Мулла, ожидая приближенія Русскихъ, просилъ его о помощи. Какъ вѣрный сподвижникъ, онъ призывалъ къ себѣ прежнихъ своихъ сообщниковъ; но на зовъ его не было отвѣта: къ нему собралось не болѣе 1000 человекъ.

Не смотря на малочисленность подкрѣпленія, Гамзатъ-Бекъ спѣшилъ съ нимъ на присоединеніе къ Кази-Муллѣ, и 16 октября прибылъ въ селеніе Ирганай,

койсубулинскаго общества. На другой день онъ выступилъ оттуда къ Гимрамъ и остановился въ двухъ верстахъ отъ нихъ, на горѣ Наратовъ, съ которой увидѣвъ русскій отрядъ, штурмовавшій главное убѣжище самыхъ ревностныхъ послѣдователей Мюридизма, не осмѣлился спуститься въ гимринское ущелье и остался равнодушнымъ зрителемъ въ продолженіе всего боя. Въ полночь дали ему знать о смерти Кази-Муллы. Гамзатъ сначала не повѣрилъ этому извѣстію; но когда солнце отразилось на штыкахъ Русскихъ въ садахъ гимринскихъ и въ самомъ селеніи, то онъ сталъ оплакивать кончину нарушителя общественнаго спокойствія въ горахъ, а потомъ притворился объятымъ крѣпкимъ сномъ. Воспрянувъ же отъ искусственнаго забытья, обратился къ окружавшимъ его съ слѣдующими словами, какъ будто внушенными ему свыше:

«Кази-Мулла не умеръ; онъ святой, онъ въ раю, «и прелестныя гуріи услаждаютъ новую его жизнь. «Изъ васъ правовѣрные Мусульмане каждый можетъ «быть вмѣстѣ съ нимъ, если только будете слѣдовать «его примѣру; а онъ всегда свято исполнялъ Шаріатъ, «первый объявилъ Казаватъ и умеръ съ теплою мо- «литвою, умеръ съ оружіемъ въ рукахъ, защищая ро- «дину.»

«Знаете ли вы, что Кази-Мулла не оставитъ насъ «и будетъ вмѣстѣ съ нами дѣйствовать противъ не- «авѣрныхъ, если мы не оставимъ Казаватъ и послѣ- «дуемъ его святому ученію. Мы не увидимъ его, но «онъ будетъ устрашать враговъ нашихъ во время боя «появленіемъ своимъ на бѣлой лошади въ зеленой «одеждѣ и окруженный всѣми мюридами, съ нимъ

«погибшими. Кази-Мулла будетъ врываться въ ряды «невѣрныхъ, мечъ его будетъ для нихъ сокрушителемъ, и объятые ужасомъ, они будутъ искать спасенія въ одномъ бѣгствѣ.»

Слова Гамзатъ-Бека вновь возбудили фанатизмъ въ слушателяхъ, которые въ тотъ же день (18 октября) оказали упорное сопротивленіе нашему легкому отряду, атаковавшему ихъ на горѣ Наратовъ; однако къ вечеру они принуждены были отступить въ селеніе Ирганай откуда и удалились въ Новый-Гоцатль.

По возвращеніи на родину, Гамзатъ-Бекъ не предпринималъ нѣкоторое время непріязненныхъ дѣйствій, стараясь первоначально увѣрить послѣдователей новаго ученія въ справедливости рассказаннаго имъ на горѣ Наратовъ, а потомъ отправился на совѣщаніе къ муллѣ селенія Балаканъ (койсубулинскаго общества), одному изъ главныхъ мюридовъ Кази-Муллы. Слѣдствіемъ этого совѣщанія было воззваніе Гамзата ко всѣмъ дагестанскимъ мулламъ и почетнымъ жителямъ, которыхъ онъ приглашалъ собраться въ селеніе Корода, андалальскаго общества, гдѣ обѣщалъ объявить имъ весьма важное обстоятельство. Въ назначенный день приглашенные толпились у дверей мечети, ожидая съ нетерпѣніемъ развязки. Въ полдень, когда мулла призываетъ правовѣрныхъ къ молитвѣ, въѣхалъ Гамзатъ-Бекъ въ селеніе, окруженный приверженцами, гордо вошелъ въ храмъ и совершивъ намазъ, произнесъ приготовленную имъ рѣчь въ томъ же духѣ, какъ говорили первый мюршудъ и Кази-Мулла. Вооружая горцевъ противъ Русскихъ, убѣждая ихъ въ необходимости Казавата, для спасенія и славы Исламизма, и совѣтуя имъ поспѣшиѣ